Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 5 (134), с. 179–195.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 5 (134), pp. 179–195.

Научная статья
УДК 811.161.1'34
https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-14
https://elibrary.ru/nwrbbi

Становление русской акцентологической нормы в процессе суффиксации

Ольга Игоревна Глазунова
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия
o.i.glazunova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9835-586X

Аннотация. Каждый этап в процессе становления языковых единиц осуществлялся на основе взаимодействия формы и содержания, в результате чего система языка развивалась по эволюционному принципу, сохраняя преимущества предыдущего уровня и приобретая новые полезные свойства при переходе на следующий. Данная работа посвящена анализу существительных мужского рода, включающих однотипные образования, которые в составе одних слов закрепились как часть корня, а в других приобрели статус суффиксов. В ходе исследования было выявлено, что присутствие суффиксов оказывало существенное влияние на изменение акцентуации слова. При этом трансформация ударения в производном существительном не была случайной или технически заданной, она подчинялась определенным алгоритмам в соответствии с тем, какая морфема в составе лексемы должна была обращать на себя внимание слушающего, облегчая восприятие слова в целом.
Ключевые слова: русский язык, древнерусский язык, морфологическое словообразование, акцентологические нормы, флективно-акцентологические типы склонения
Для цитирования: Глазунова О. И. Становление русской акцентологической нормы в процессе суффиксации. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 5 (134), с. 179–195. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-14; EDN: NWRBBI

The development of the Russian accentological norm in the process of suffixation

Olga I. Glazunova
St Petersburg State University,
St Petersburg, Russia
o.i.glazunova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9835-586X

Abstract. Each stage in the formation of linguistic units was carried out on the basis of the interaction of form and content, as a result of which the language system developed according to the evolutionary principle, preserving the advantages of the previous level and acquiring new useful properties when moving to the next one. This work focuses on the study of masculine nouns that include formations of the same type, which in some words have become fixed as part of the root, and in other words have acquired the status of suffixes. The study revealed that the presence of suffixes had a significant effect on the change in the accentuation of the word. The transformation of accent

© Глазунова О. И., 2026

in the derived noun was not accidental or technically predetermined; it followed certain algorithms in accordance with which morpheme in the lexeme was supposed to attract the listener's attention, facilitating the perception of the word as a whole.
Keywords: Russian language, Old Russian language, morphological word formation, accentological norms, inflectional-accentological types of declension
For citation: Glazunova O. I. The development of the Russian accentological norm in the process of suffixation. *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 5 (134), pp. 179–195. (In Russ.) https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-14; EDN: NWRBBI

Введение

В процессе передачи информации от отправителя к получателю учитываются не только физиологические особенности человека – и отдельные звуки, и их комплексы обладают в сознании носителей языка если не смысловыми, то чувственно-ассоциативными значениями, которые соотносятся с окружающим миром и реализуются в составе лексем, наделяя их дополнительным содержанием.

Не только звуки речи, в которых отразились особенности восприятия носителями языка окружающего мира и формирования о нем слуховых, визуальных и других представлений, сыграли роль в процессе становления и развития языка. Морфемные структуры оказались способными на уровне акцентуации нести информацию о том, какие составляющие слова представляют наибольший интерес для слушающего.

Г. А. Николаев писал об этом: «Древнерусскому языку были известны две разновидности морфологического словообразования: аффиксация и сложение. Аффиксация включала префиксацию и суффиксацию и была представлена как в именном, так и в глагольном словопроизводстве. При этом приставочное словообразование было более свойственно глаголу, суффиксация – имени»[1].

Основная часть

I. Среди односложных существительных мужского рода выделяется группа слов с суффиксом ***-ец***: *жнец, лжец, льстец*, *жрец, чтец,* мотивированных глаголами *жать, лгать, льстить*, *жърѣти* (*жрѣти*) (‘совершать жертвоприношения’)[2], *читать*. Во всех этих существительных суффикс ***-ец*** указывает на лицо, которое совершает действие, выраженное глаголом. Г. А. Николаев, отмечая различные способы создания слов в древнерусском языке, пишет о том, что «наиболее продуктивным суффиксом оформления сложных nomina agentis был стилистически нейтральный суффикс -ьць»[3].

[1] Николаев Г. А. Способы древнерусского именного словообразования. *Ученые Записки Казанского университета. Гуманитарные науки*, 2009, т. 151, кн. 6, с. 116. EDN: KYWGST

[2] Форма глагола дается по: Срезневский И. И. *Материалам для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*: в 3 т., т. I. А–К. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1893, с. 890.

[3] Николаев Г. А. Способы древнерусского именного словообразования. *Ученые Записки Казанского университета. Гуманитарные науки*, 2009, т. 151, кн. 6, с. 117. EDN: KYWGST

Структура древнерусских существительных свидетельствует о том, что они образовывались не только от инфинитивов, но и от форм глаголов настоящего времени: жати – жьноу – **жьньць**, лъгати – лъжоу – **лъжьць** (‘лжец’), льстити – льщоу – **льстьць** (‘лжец, обманщик’), жьрти[1] – жьроу – **жьрьць**. Переход ударения с основы на суффикс ***-ец*** в процессе образования существительных соответствовал акцентологическому типу, по которому меняли ударения односложные существительные мужского рода с основой на **ж**, **ш**, **щ**, **ч** и **ц**: все флексии ударные, за исключением формы именительного падежа единственного числа.

В существительных суффикс ***-ец*** использовался для наименования лица или предмета по наиболее характерным для них признакам. С помощью суффикса ***-ец*** образовывались двусложные существительные, мотивированные глаголами (*стрелéц, пловéц, пришлéць* (‘пришелец’)[2], *убóець* (‘убийца’)), а также существительные, мотивированные прилагательными (*елéц* (‘дубовый или еловый лесок, заросль, роща’), *наглéц*, *удалéц*, *слепéц*, *вдовéц*, *стáрец*, *упрямец*) и другими существительными (*кубáнец*, *эстóнец*, *китáец*, *гвардéец*, *комсомóлец*; *градéць* (‘городок’), *ларéц*, *котéць* (‘клетка’), *числéць* (‘счетчик, ведущий перепись’)).

Сохранение ударения на основе в некоторых словах с суффиксом ***-ец*** (например, в существительном *сúтец*) свидетельствует о том, что такого рода лексика появилась в русском языке относительно недавно, потому что даже в двусложных древнерусских существительных на ***-ец*** суффикс оставался ударным: *отьць* = *отéць*.

Исключение составляет небольшая группа древнерусских двусложных существительных мужского рода с гласной ***а*** в основе: *пáлець*, *брáтець*, *стáрець*, *áгнець*, *стáвець* (‘сосуд для питья’), *чвáнець* (‘кувшин’), *мáлець*, которые сохраняют ударное ***а***. Хотя стоит отметить, что с течением времени некоторые из них обрели более частотное для этой группы слов ударение на суффиксе – *малéц*. Сменили ударение и некоторые другие слова. Так, например, в существительных *истéц*, *счастлúвец*, которые в древнерусском языке имели ударение на основе – *úстець*, *счáстливець*, ударение сдвинулось на один слог вправо.

А вот древнерусское существительное *перéць* вошло в современный русский язык со сдвигом ударения влево – *пéрец*. Возможно, это было связано с необходимостью развести данное существительное со сходным по звучанию словом *пъвéць*. В результате существительное *певéц* (*пъвéць*), происходившее от праславянского корня, сохранило ударение на суффиксе, а в слове *перéць*, имеющем древнерусское происхождение, ударение сдвинулось на основу – *пéрец*.

В трех и более сложных существительных суффикс ***-ец***, как правило, оставался безударным: *торгóвець*, *брáтанець* (‘племянник’), *родúмець* (‘родственник’), *младéнець*, *рыболóвець*, *мúлостивець*, *кормúлець*, *домочáдець*, *инорóдець*, *румя́нець*, *мѣзúнець*, *гостúнець*, *колóдець*. Причина этого заключается в особенностях произношения и восприятия слов в речи: сдвиг ударения к центру дает возможность урав-

[1] Форма глагола дается по: *Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.)*: в 10 т., т. III, главный редактор – Р. И. Аванесов. Москва: Русский язык, 1990, с. 275.

[2] Здесь и далее ударение дается по: Зализняк А. А. *Древнерусское ударение: общие сведения и словарь*. Москва: Языки славянской культуры, 2014. 728 с. EDN: RBBTNX

новесить структуру многосложных существительных. Сравните: *писе́ць → живопи́сець*, *книгопи́сець*, *добропи́сець*, *скоропи́сець*.

Кроме того, в ряде случаев ударение выступало в качестве дифференциального признака, позволяющего разграничить в языке слова с разным стилистическим или коммуникативным значением: *мо́лодец* (в нар. поэзии – ‘удалец’) и *молоде́ц* (1. Молодой человек, сильный, крепкого сложения; 2. Выражение похвалы[1]).

Не только суффикс ***-ец***, но и другие суффиксы в составе существительных могут приводить к трансформациям их падежной акцентологической парадигмы. И это вполне естественно, т. к. суффикс меняет лексическое значение слова. Трансформация может происходить по-разному: при использовании одних суффиксов ударение в косвенных падежах смещается на окончание, в случае присоединения других – остается на основе или изменяется лишь в некоторых падежных формах.

Например, в существительном *ла́герь* (‘место отдыха’) смещение ударения на флексию наблюдается только в формах именительного и родительного падежа множественного числа: *лагеря́*, *лагере́й*. А в омонимичном существительном *ла́герь* (‘политическое течение’) ударение остается на основе во всех падежных формах: *ла́гери*, *ла́герей*, что свидетельствует о том, что данное значение слова возникло позднее основного значения – ‘место отдыха’.

Очевидно, что смещение ударения в лексемах зависит не только от формы слова в именительном падеже, но и от вариантов их реализации в косвенных падежах. К сожалению, в представленных А. А. Зализняком акцентологических типах односложных существительных[2] не учитываются падежные окончания, которые наравне с ударениями являются маркерами, определяющими не только грамматическое, но и лексическое значение существительных (например, единичность, собирательность, множественность и т. д.). Так, например, существительные *дом*, *край*, имеющие во множественном числе ударные окончания ***-а*** / ***-я***, в акцентологические типы А. А. Зализняка не вписываются: от типа ***c*** их отличают флексии во множественном числе именительного падежа.

II. Ударения и флексии в падежных формах взаимодействуют друг с другом, определяя не просто акцентологические, а флективно-акцентологические типы односложных имен существительных. Закрепившиеся на уровне формы способы выражения грамматических и семантических значений были обусловлены комплексом факторов, определяющих логику выстраивания акцентных парадигм, и принципы, которыми руководствовались носители языка при акцентуации.

---

[1] *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов*. Российская Академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова, ответственный редактор – Н. Ю. Шведова. Москва: Издательский центр «Азбуковник», 2011, с. 456.

[2] a – ударение на основе во всей парадигме (*знак, зна́ка; зна́ки, зна́ков*); b – ударение на окончаниях во всех словоформах с ненулевым окончанием (*стол, стола́; столы́, столо́в*); c – как a в единственном числе, как b во множественном числе (*дар, да́ра; дары́, даро́в*); d – как b в единственном числе, как a во множественном числе (*кол, кола́; ко́лья, ко́льев*); e – то же, что c, но с наосно́вным ударением в именительном множественного (*бог, бо́га; бо́ги, богов*); f – то же, что b, но с наосно́вным ударением в именительном множественного (*гвоздь, гвоздя́; гво́зди, гвозде́й*) [Зализняк А. А. *Труды по акцентологии*: в 2 т., т. I. Москва: Языки славянских культур, 2010, с. 464–465].

Исходя из этого, можно сделать вывод, что односложные существительные мужского рода в русском языке имеют шесть не просто акцентологических, а флективно-акцентологических типов склонения:

(**1**) *Дом – до́ма* <…> *– дома́ – домо́в* <…>; *край – кра́я* <…> *– края́ – краев* <…>. Формы единственного числа – ударение на основе. Формы множественного числа – ударение на флексии (именительный падеж множественного числа – флексия ***-а*** / ***-я***).

(**2**) *Зуб – зу́ба* <…> *– зу́бы – зубо́в* <…>; *гость – го́стя* <…> *– го́сти – гостей́* <…>. Формы единственного числа – ударение на основе. Именительный падеж множественного числа – ударение на основе (флексия ***-ы*** / ***-и***), родительный и далее падежи множественного числа – ударение на флексии (именительный падеж множественного числа – флексия ***-ы*** / ***-и***).

(**3**) *Сын – сы́на* <…> *– сыны́ – сыно́в* <…>*; плуг – плу́га* <…> *– плуги́ – плуго́в* <…>*; чай – ча́я* <…> *– чаи́ – чаев* <…>. Формы единственного числа – ударение на основе. Формы множественного числа – ударение на флексиях (именительный падеж множественного числа – флексия ***-ы*** / ***-и***).

(**4**) *Столб – столба́* <…> *– столбы́ – столбо́в* <…>; *лоб – лба* <…> *– лбы́ – лбов* <…>; *руль – руля́* <…> *– рули́ – руле́й* <…>*, день – дня* <…> *– дни́ – дней* <…>. Все формы, за исключением именительного падежа единственного числа, имеют ударение на флексиях (именительный падеж множественного числа – флексия ***-ы*** / ***-и***).

(**5**) *Конь – коня́* <…> *– ко́ни – коне́й* <…>. Именительный падеж единственного и множественного числа – ударение на основе, родительный и далее падежи единственного и множественного числа – ударение на флексии (именительный падеж множественного числа – флексия ***-и***).

(**6**) *Звон – зво́на* <…> *– зво́ны – зво́нов* <…>*; флаг – фла́га* <…> *– фла́ги – фла́гов* <…>*; сбой – сбо́я* <…> *– сбо́и – сбо́ев* <…>*; стиль – сти́ля* <…> *– сти́ли – сти́лей* <…>. Все формы имеют ударение на основе (именительный падеж множественного числа – флексия ***-ы*** / ***-и***).

Наиболее простой и удобной для носителей русского языка является парадигма (**6**), в которой односложные существительные мужского рода во всех падежных формах сохраняют ударение на корне: *вид – ви́да – ви́ды – ви́дов*, *груз – гру́за – гру́зы – гру́зов*, *внук – вну́ка – вну́ки – вну́ков*, *стук – сту́ка – сту́ки – сту́ков*, *плуг – плу́га – плу́ги – плу́гов*, *миф – ми́фа – ми́фы – ми́фов*, *яд – я́да – я́ды – я́дов*, *танк – та́нка – та́нки – та́нков*, *банк – ба́нка – ба́нки – ба́нков*, *ухаб – ухаба – ухабы – ха́бов*, *ушиб – ушиба – ушибы – ушибов*, *сгиб – сги́ба – сги́бы – сги́бов*, *ромб – ро́мба – ро́мбы – ро́мбов*, *зубр – зу́бра – зу́бры – зу́бров*.

В данном случае изменение падежной формы существительного маркируется флексией, которая, присоединяясь к основе, не оказывает влияния на его ударность. Это дает возможность без труда по корневой морфеме вычленить значение слова во всех его падежных вариантах. Однако такого рода акцентологическая парадигма имеет свои минусы.

Естественная редукция безударных слогов в речи существенно затрудняет восприятие существительных, а потому флективно-акцентологическая модель (**6**), в которой падежные формы выражаются только с помощью безударных окончаний, могла закрепиться в древнерусском языке лишь на поздних этапах развития, когда

безударные флексии уже без труда прочитывались в контексте и идентификация той или иной формы слова не вызывала проблем у его носителей. По флективно-акцентологической модели (**6**) склонялись существительные, которые нельзя отнести к частотным: *внук*, *тесть*, *яд*, *вепрь*, *хмель*, *зубр*, а также новые, чаще всего заимствованные, существительные, которые пополняли словарный запас языка: *стиль*, *шпиль*, *киль*, *ромб*, *дубль*, *танк*, *банк* и т. д.

В родительном падеже единственного числа все односложные существительные мужского рода имеют окончания ***-а*** (***-я***), и у большинства из них это окончание безударное: *до́м**а*** (акцент. тип **1**), *зу́б**а*** (**2**), *сы́н**а*** (**3**), *фла́г**а*** (**6**). При этом корни большинства существительных с безударной флексией оканчиваются на одиночную согласную.

Существительные с основой на мягкую согласную (*конь* (акцент. тип **5**)) и сочетанием шумных согласных в начале или в конце корня (*враг, столб* (акцент. тип **4**)) имеют ударное окончание в родительном падеже единственного числа: *враг – враг**а́***, *конь – кон**я́***, *столб – столб**а́***. Очевидно, что в последних двух случаях сдвиг ударения вызван особенностями фонетического строения существительных: конечная мягкая согласная или сочетание конечных согласных в корневой морфеме требовали дополнительного маркирования флексии, которая гарантировала бы точность восприятия данной падежной формы. В качестве такого фонетического маркера выступило ударение, обеспечивающее четкость произношения окончания.

Если формы родительного падежа единственного числа односложных существительных мужского рода сохраняли одно и то же окончание ***-а*** (***-я***) и отличались лишь ударным или безударным его положением в составе лексемы, то при образовании форм именительного падежа множественного числа в древнерусском языке использовалось два варианта флексии: основное окончание ***-ы*** (***-и***) и сохранившееся от исчезнувших форм двойственного числа окончание ***-а*** (***-я***).

Только существительные флективно-акцентологического типа (**1**) в именительном падеже множественного числа имеют ударное окончание ***-а́*** (***-я́***): *дом – до́ма – дом**а́** – домо́в*, *лес – ле́са – лес**а́** – лесо́в*, *хлеб – хле́ба – хлеб**а́** – хлебо́в* (в знач. ‘злаки’), *хлев – хле́ва – хлев**а́** – хлево́в*, *брег – бре́га – брег**а́** – брего́в*, *рог – ро́га – рог**а́** – рого́в*, *луг – лу́га – луг**а́** – луго́в*, *род – ро́да – род**а́** – родо́в* (войск), *корм – ко́рма – корм**а́** – кормо́в* (чтобы избежать пересечения с формами *корма́ – кормы́ – кормы́* (ж. р.)), *тон – то́на – тон**а́** – тоно́в*, *вес – ве́са – вес**а́** – весо́в*, *край – кра́я – кра**я́** – краёв*.

К флективно-акцентологическому типу (**1**) примыкает существительное *глаз – гла́за – глаз**а́** – глаз*, в котором форма множественного числа родительного падежа *глаз* имеет усеченный вариант, как у существительных женского и среднего рода: нет кого? чего? *– мам*, *земе́ль*, *карт*, *озёр*, *о́кон* и т. д.

Наряду с существительными, обозначающими парные предметы, которые в именительном падеже множественного числа наследуют окончание ***-а*** от форм древнерусского двойственного числа: *брег**а́***, *рог**а́***, *бок**а́***, *рукав**а́***, в современном русском языке присутствует целый ряд существительных с теми же формами множественного числа, которые к парным предметам отношения не имеют: *дом**а́***, *лес**а́***, *луг**а́***, *шторм**а́***.

Предположить, что носители языка традиционно рассматривали их парами, тоже невозможно. Скорее всего, эта акцентологическая парадигма склонения возникла параллельно со склонением существительных среднего рода на ***-о***, ***-е***, у которых формы родительного падежа единственного числа и формы именительного падежа множественного числа совпадали по написанию, но различались ударением: ста́до – *ста́да* – *стад****а́*** – стад (как *мам* – по женскому типу склонения), бла́го – *бла́га* – *благ****а́*** – благ, сло́во – *сло́ва* – *слов****а́*** – слов, о́блако – ***о́****блака* – *облак****а́*** – облако́в (как *домо́в* – по мужскому типу склонения).

Смешение падежных окончаний при выстраивании парадигм существительных разных типов склонения вполне естественно. У неодушевленных существительных опереться на семантические показатели рода, соотносящиеся с предметами, которые они обозначают, невозможно. Хотя какие-то чувственные ассоциации по отношению к предметам оказывали влияние на формирование в языке рода существительных, предназначенных для их наименования. Например, материнская природа земли, дающей человеку силы и пропитание, способствовала тому, что существительное, которое использовали для ее обозначения, имело форму женского рода. Среди портретных характеристик человека наиболее значимые объекты при взгляде на лицо анфас приобретали форму мужского рода: *лоб*, *рот*, *нос*, *глаз*; а боковые и дополнительные части – форму среднего или женского рода: *ве́ко*, *у́хо*, *го́рло*; *ше́я*, *щека́*, *губа́*, *бровь*.

Сходство между существительными мужского рода с формой именительного падежа множественного числа на ***-а*** (***-я***) (*дома́*, *края́*) и формами существительных среднего рода с теми же окончаниями (*тела́*, *поля́*) касается и ударений. Отличие именительного падежа единственного числа от родительного падежа единственного числа состоит в окончании. Нулевое окончание в именительном падеже мужского рода меняется в родительном падеже на традиционное для форм мужского и среднего рода окончание ***-а*** (***-я***) (ударение сохраняется на основе): *д****о****м* – *д****о́****ма*, *кр****а****й* – *кр****а́****я*. При этом форма родительного падежа единственного числа совпадает по написанию с формой именительного падежа множественного числа, а вот ударение переходит на окончание: *дом* – *до́м****а*** – *дом****а́***, *луг* – *лу́г****а*** – *луг****а́***, по типу склонения существительных среднего рода: *те́ло* – *те́л****а*** – *тел****а́***.

Таким образом, у существительных мужского рода флективно-акцентологического типа (**1**) в именительном падеже множественного числа отсутствует флексия ***-ы*** (***-и***), которая традиционно объединяла формы существительных мужского и женского рода. Хотя существительные мужского рода всех остальных типов (**2**)–(**6**) в именительном падеже множественного числа ее имели. Возможно, это отличие было связано с неопределенной родовой принадлежностью предметов (*дом*, *луг*, *лес*, *край*), обозначаемых существительными флективно-акцентологического типа (**1**).

По мнению П. Я. Черных, «в качестве формы именительного-винительного падежа мн. ч. форма на *-а*, *-я,* несомненно, возникла сравнительно недавно. Достоверных примеров этой формы в старой московской письменности не встречается раньше XVI столетия. Даже в письменности первой половины XVII в. они еще единичны. Достаточно сказать, что в такой большой книге, как Уложение 1649 г., можно

отметить только единственный случай – *лѣсá*. Но со второй половины XVII в. таких примеров встречается все больше и больше»[1] (курсив автора. – *О. Г.*).

Таким образом, отличие падежных форм существительных друг от друга обеспечивается в языке объективными характеристиками – разницей во флексиях или в ударении. Сдвиг ударения как дифференциальный признак свойственен не только существительным среднего рода с ударением на корне: *стáдо – стáда – стадá*, *слóво – слóва – словá*, но и существительным среднего рода с ударным окончанием в формах именительного падежа единственного числа: *окнó – окнá – óкна*, *лицó – лицá – лúца*. У односложных существительных мужского рода флективно-акцентологического типа (**1**) формы родительного падежа единственного числа сохраняли накорневое ударение (*дóма*, *лýга*), а в формах именительного падежа множественного числа ударение падало на окончание (*дом – домá*, *луг – лугá*).

Из односложных существительных мужского рода с основой на мягкую согласную к первому акцентологическому типу принадлежит слово *край* (*крáя – края́ – краёв*) и слово *муж* (*мýжа – мужья́ – мужéй*) – в древнерусском языке [ж] был мягким. Если вариант формы множественного числа на ударный ***-а*** (*домá*, *лугá*, *лесá*) соотносится с формами древнерусского двойственного числа, то окончания ***-ья*** (*мужья́*) происходят от древнерусских собирательных форм существительных на ***-ие*** (*братие*, *дубие*) и ***-ия*** (*кънязия*).

Суффиксы ***-ак***, ***-як***, ***-ык***, ***-ар***, ***-арь***, ***-ырь***, ***-ирь*** и др. в древнерусском языке, присоединяясь к основе существительного, как и суффикс ***-ец***, тоже смещали ударение на флексию в соответствии с флективно-акцентологическим типом (**4**) склонения односложных существительных мужского рода. Тот факт, что в современном русском языке многие из них стали частью корневых морфем, свидетельствует о том, что они имели статус заимствований и входили в лексический состав в определенный период времени вместе с предметами, которые называли (ср.: *ярлы́к*, *штык*, *сундýк*, *чугýн*, *батрáк*, *царь*, *визúрь*).

Существительное *ярлы́к* произошло от тюркского *ярл-эк* (‘приказ, повеление’). Именно так в Древней Руси обозначались ханские жалованные грамоты на владение уделами. А *штык* пришло в русский язык через польский, в котором *sztyk* (‘острие’) восходит к средненемецкому *stich* (с тем же значением), образованному от глагола *stechen* (‘колоть’).

Даже существительное *бык*, в котором ***-ык*** входит в состав корня, происходит, по мнению Ф. Е. Корша, от тюрк.-монг. *букá*, *бугá*[2]. Несмотря на то что М. Фасмер считал «неправильным» возводить русское слово *бык* к тюркскому *buka*, точка зрения Ф. Е. Корша представляется более обоснованной, потому что сочетание ***-ык*** в древнерусском языке имеет тюркские корни. Предположение М. Фасмера о том, что

[1] Черных П. Я. *Историческая грамматика русского языка*. Москва: Учпедгиз, 1952, с. 158.

[2] См.: Преображенский А. Г. *Этимологический словарь русского языка*. Москва: Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1910, т. 1, с. 58.

древнерусское *бык* происходит от лат. *vacca* (‘корова’)[1], вряд ли соответствует действительности.

Склонение слов, которые в древнерусском языке имели иностранное происхождение, отличалось от привычных моделей. Неслучайно среди односложных существительных мужского рода, принадлежащих к акцентологическому типу (**4**), встречается больше всего заимствованной лексики. При этом следует отметить одно немаловажное обстоятельство. Например, существительные на ***-ун*** тюркского происхождения склоняются в соответствии с акцентологической моделью (**4**): *лгун – лгуна́*, *табу́н – табуна́*, *чугу́н – чугуна́*, *колду́н – колдуна́*, *горбу́н – горбуна́*, а существительные на ***-ан*** / ***-ян*** и ***-ен*** в падежных формах сохраняют ударение на корне: *кафта́н – кафта́на*, *дива́н – дива́на*, *тюрба́н – тюрба́на*, *бая́н – бая́на*, *каль я́н – каль я́на*, *тимья́н – тимья́на*, *сафья́н – сафья́на*; *кузе́н – кузе́на*, *бу́бен – бу́бна*, *доме́н – доме́на*, *игу́мен – игу́мена*.

Существительные на ***-унъ*** (*пѣсту́нъ*, *бѣгу́нъ* (‘беглец’), *мигу́нъ*, *колду́нъ*, *блядуно́ъ*, *шепту́нъ*, *кощу́нъ*, *хрипу́нъ*, *ляпу́нъ* (‘плохой маляр’)) в древнерусском языке склонялись в соответствии с акцентологической моделью ***b*** (по А. А. Зализняку) – все падежные окончания ударные. Тот же самый тип ударения они сохранили и в современном русском языке.

Существительные на ***-анъ / -янъ***, ***-енъ***: *каба́нъ*, *болва́нъ* (‘идол’), *чванъ* (‘жбан’), *тага́нъ*, *орга́нъ*, *саза́нъ*, *чека́нъ*, *бра́танъ*, *ханъ*, *колча́нъ*; *окия́нъ*, *фимья́нъ* (‘фимиам’), *христья́нъ*, *грубѣя́нъ*; *бу́бенъ*, в древнерусском языке склонялись по акцентологическому типу ***a*** (по А. А. Зализняку) – все флексии безударные. В современном русском языке большинство из них сохранили безударное окончание. Исключение составляют частотные существительные *каба́н*, *каза́н*, *брата́н*, которые стали изменяться по флективно-акцентологическому типу (**4**).

К группе существительных, сохранивших ударение на основе, можно отнести существительные на ***-ор*** (***-орь***): *зато́р*, *запо́р*, *позо́р*, *мра́мор*, *скульптор*, *литера́тор*, *сена́тор*; *я́корь*. В древнерусском языке существительные на ***-оръ*** относились к разным типам склонения. Отглагольные существительные *сборъ*, *взоръ*, *споръ* склонялись в соответствии с акцентологическим типом ***a*** (флективно-акцентологический тип (**6**) – все флексии безударные). По той же модели склонялись и существительные: *стягъ* – (укр.) *стягати* (‘стягивать’), *знакъ – зна́чити* (‘давать знак’), *смотръ – смотри́ти* (‘смотреть’), *смердъ – смрѣдѣ́ти*, *кладъ – кла́дати*, *кругъ – кружи́ти*, *другъ – дружи́ти*, *торгъ – торгова́ти*, *съборъ – бра́ти*.

Существительное *дворъ* с сочетанием согласных в корне в древнерусском языке относилось к акцентологическому типу ***b*** (все флексии ударные) и сохранило этот тип склонения в современном русском языке. Существительное *багоръ* (‘пурпур’) с беглой гласной **о** в древнерусском языке имело безударные падежные окончания (род. п., ед. числа *ба́гра*). В современном русском языке уже в другом значении оно изменяется в соответствии с флективно-акцентологическим типом (**4**): *багор – багра́ – багры́ – багро́в*. Точно так же склоняются и многие другие существительные с

[1] Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*: в 4 т., т. 1. Москва: АСТРЕЛЬ-АСТ, 2004, с. 258.

беглыми гласными: *песо́к*, *цвето́к*, *ого́нь*, *хребе́т*, *овес*, *пенек*, *костер* и др., о которых речь шла выше.

Существительные *го́воръ* (‘шум, гомон’), *моръ*, *све́коръ* склонялись в древнерусском языке в соответствии с акцентологическим типом ***c*** (по А. А. Зализняку) – с ударными флексиями, начиная с форм множественного числа. В современном русском языке все их падежные формы сохраняют ударение на основе (флективно-акцентологический тип (**6**)).

Тот же самый тип склонения ***c*** был и у древнерусского существительного *боръ* в значениях ‘сосна’, ‘бор’, ‘побор, обложение’. Если бы у *бо́ра* не появился омоним (название химического элемента с атомным номером 5), можно было бы ожидать, что в современном русском языке *бор* изменялся бы, как изменяются *вор* и *мор*, т. е. со всеми безударными флексиями.

По старой акцентологической норме существительное *бор* изменялось с сохранением накорневого ударения: *бо́р*, *бо́ра*, *бо́ру*, *бо́р*, *бо́ром*, *о бо́ре* (ед. число); *бо́ры*, *бо́ров*, *бо́рам*, *бо́ры*, *бо́рами*, *о бо́рах* (мн. число). Ср.: «Конь мой спорый. Топи, *бо́ры*, степи, горы пролетим. / Жарко дышит. Мысли слышит. Конь – огонь и побратим» (К. Бальмонт). И только в современном русском языке в формах множественного числа ударение в существительном *бор* со значением ‘лес с преобладанием хвойных деревьев’ сдвинулось на флексии: *боры́*, *боро́в*, *бора́м* и т. д.

И это естественно: заимствованные существительные (в нашем случае это название химического элемента), как уже говорилось ранее, сохраняли единое ударение во всех падежных формах, т. е. склонялись в соответствии с акцентологическим типом (**6**). Например, существительные с суффиксом ***-ор***, которые появились в русском языке при Петре I (*импера́тор*, *губерна́тор*, *ревизо́р*), выстраивали ударение по форме именительного падежа единственного числа: *импера́тор – импера́тора – импера́торы – импера́торов*; *ревизо́р – ревизо́ра – ревизо́ры – ревизо́ров.*

То же самое относится и к существительным с другими суффиксами – например, с суффиксом ***-ер***. Существительные с суффиксом ***-еръ*** в древнерусском языке: *ма́стеръ*, *па́нтеръ* (‘пантера’), *ве́черъ*, предопределили склонение существительных *акционе́р*, *импорте́р*, *парламенте́р* и др., которые были заимствованы позднее. Здесь стоит еще раз отметить, что переход ударения с основы на окончание в процессе склонения существительных мужского рода был свойственен периоду активного преобразования древнерусского языка.

Существительные, которые вошли в язык позже, по большей части склонялись в соответствии с акцентологическим типом (**6**), т. е. без сдвига ударения. В этой связи достаточно сопоставить существительное *столъ* (от праслав. *stolъ), изменяющееся, как многие другие слова с сочетанием согласных в корне, по акцентологической модели (**4**), с заимствованным существительным *стулъ* (нем. stuol), которое в русском языке склоняется в соответствии с акцентологической моделью (**6**). Очевидно, что существительные, сходные по звуковому составу, но вошедшие в язык в разное время, изменяются по падежам в соответствии с разными флективно-акцентологическими типами.

III. Рассмотрим варианты образования с помощью суффиксов имен существительных мужского рода со смещением ударения во всех падежных формах (акцентo-

логический тип (**4**)), а также тех лексем, которые вошли в язык позже или имели отглагольное происхождение, а потому сохранили ударение на основе в соответствии с акцентологическим типом (**6**) (см. таблицу).

Таблица

Суффиксы	**Акцентологический тип (4)**	**Акцентологический тип (6)**
-ак-	*вожа́к, каза́к, чужа́к, лежа́к, реза́к, рюкза́к, лежа́к, черда́к, рыба́к, каба́к, таба́к, лева́к, дура́к, проста́к, кула́к, бурла́к, пиджа́к, гама́к, тума́к, башма́к, колпа́к, гопа́к, гуса́к, рыса́к, четверта́к, ша́к, куша́к*	*бак, мак, рак, смак, мрак, фрак, злак, знак, шлак, бара́к, слова́к, сайга́к, вурдала́к, буера́к, бивуа́к, ко́дак*
-як-	*маяк, земляк, хомяк, свояк, бедняк, босяк, толстяк, сорняк, беляк, моряк, дьяк, сыпняк, армяк, синяк, червяк, тюфяк, холостяк, кизяк*	*маньяк, поляк, хряк*
-ык-	*бык, клык, ярлык, балык, шашлык, штык*	*стык, рык*
-ук-	*жук, сук, паук, каблук, барсук, клобук, сундук*	*стук, звук, внук*
-юк-	*крюк, индюк, бирюк, курдюк, бурдюк, фетюк, пасюк*	*люк, трюк, урюк, волапюк, мамелюк*
-еж-	*падёж, рубёж, мятёж*	*кортёж, манёж*
-ёж-	*ёж, чертёж, кутёж, скулёж, грабёж, платёж*	–
-ёл-	*козёл, осёл, котёл, орёл*[1]	*костёл*
-иж-	*чиж, стриж*	*престиж*
-ёр-	*костёр*	*шахтёр, боксёр*
-ар-	*бочар, комар, гончар*	*сахар, нектар, гектар*
-яр-	*маляр, столяр, школяр, овчар, гусляр*	*футляр, дояр*
-арь-	*царь, псарь, букварь, звонарь*	*пахарь, пекарь, токарь* (безударный вариант суффикса)
-ырь-	*штырь, упырь, хмырь, пузырь, газырь, пустырь, пастырь, монастырь, псалтырь, богатырь, поводырь, волдырь, нашатырь*	*козырь, лодырь, пластырь, пастырь* (безударный вариант суффикса)
-ирь-	*снегирь, мизгирь, имбирь, чихирь*	*визирь, панцирь*
-ун-	*лгун, врун, чугун, табун, вещун, колдун, валун, колтун, зипун, болтун, опекун, драчун, прыгун*	*клоун, драгун, попрыгун*
-ут-	*плут, шут, жгут, прут*	*фут, омут, якут, мазут, кунжут, редут, нокаут*

[1] Существительные с конечным корневым *-ел-* (*дя́тел, а́нгел, пе́пел, жу́пел*) сохраняют ударение на основе во всех падежных формах.

К акцентологическому типу (**4**) относятся существительные мужского рода, включающие ударные суффиксы ***-а́к-*** (*вожа́к*, *лежа́к*, *реза́к*), ***-я́к-*** (*земля́к*, *хомя́к*, *своя́к*, *бедня́к*, *боря́к*, *толстя́к*, *сорня́к*, *беля́к*, *дьяк*, *сыпня́к*), ***-е́ж-*** / ***-ёж-*** (*паде́ж*, *рубе́ж*, *мяте́ж*; *чертёж*, *кутёж*, *скулёж*, *грабёж*, *платёж*), ***-ёл-*** (*козёл*, *осёл*, *котёл*, *орёл*), ***-я́р-*** (*маля́р*, *столя́р*, *школя́р*, *овча́р*, *гусля́р*), некоторые существительные с ударными суффиксами ***-а́р-*** (*бочо́р*, *гончар*) и ***-а́рь-*** (*царь*, *псарь*, *звонарь*), а также существительные на ***-о́к-*** (*ходо́к*, *игро́к*, *глото́к*, *мазо́к*, *хлопо́к*).

При этом существительные, которые вошли в русский язык на более позднем этапе его развития (*корте́ж*, *футля́р*, *доя́р*, *некта́р*, *гекта́р*, *поля́к*, *то́карь*, *па́харь*, *пе́карь*, *сни́мок*, *хряк*), а также существительные, в которых безударность суффиксов была обусловлена омонимией (*са́хар*, *за́мок*), склоняются в соответствии с акцентологическим типом (**6**), сохраняя все флексии безударными. Сохраняют накорневое ударение и существительные *стык*, *рык*, *хряк* и др., мотивированные глаголами.

Мы рассмотрели существительные, которые включают в свой состав однотипные морфемные образования. Их однотипность и повторяемость в морфологической структуре частей речи свидетельствует о том, что данные образования имели статус суффиксов, несмотря на то, что современные кодифицированные издания могут рассматривать их как часть корня.

К сожалению, проблема выделения и оформления морфемного статуса тех суффиксов, которые сложились в древнерусском языке или были заимствованы вместе с лексемами, но в дальнейшем использовались при словообразовании, по-прежнему остается нерешенной. Иноязычные суффиксы в силу их недостаточной распространенности часто приписываются к корневой морфеме.

Сам по себе морфемный их статус существенного значения не имеет. Важно другое: входя в структуру существительных, суффиксы оказывают влияние на склонение, определяя принадлежность слов к определенным флективно-акцентологическим типам. Рассмотрим, каким образом древнерусские суффиксы меняли акцентологические парадигмы существительных мужского рода.

Если префиксы в составе имен существительных (вслед за предлогами, с которыми они соотносятся) чаще всего служили для выражения отношений между объектами в пространстве и времени (*город* – ***при****город*, *страдание* – ***со****страдание*, *история* – ***пред****ыстория*), то словообразовательные суффиксы, как правило, были предназначены для формирования новых категориальных значений: принадлежности, определительности, субъектности и т. д.[1]

Например, от изначально двусложных древнерусских существительных мужского рода *вълкъ*, *конь* (в современном русском языке они стали односложными – *волк, конь*) с помощью суффиксов образовывались новые слова: *вълчи́ца*, *волче́нокъ*, *волче́ць*; *ко́невъ*, *ко́ньскыи*, *коне́къ*, *ко́ньныи*, *ко́ньникъ*, *коне́вьникъ* (‘конный воин’),

[1] Это отмечает Ж. Ж. Варбот, говоря о суффиксах *-liščе*, *-išče* и *-ъсъ*, *-ica*. В существительных *игрище – игралище*, *покоище – почивалище*, *усадище – съдалище* «оба эти суффикса образуют названия предметов, характеризуемых пассивным отношением к действию (обычно со значением места действия)»; разница в значениях суффиксов *-ъсъ* и *-ica* связана с «обозначением лиц мужского и женского пола» [Варбот Ж. Ж. *Древнерусское именное словообразование*. Москва: Наука, 1969, с. 104–105, 119. EDN: PXXUNP].

кони́на. Ударение при этом могло оставаться на корне или переходило на суффикс. Возникает вопрос: есть ли какая-то закономерность в том, что одни суффиксы в составе слова меняют его акцентуацию, а другие нет?

Формирование и вхождение суффиксальных образований в морфемный состав языка было поэтапным. Определяющим в этом процессе становилось многократное использование наделенных категориальным значением суффиксов в качестве устойчивых структурных компонентов лексем. Способность человека к выделению общих, отвлеченных, свойств предметов, явлений и их признаков обусловила новый уровень взаимодействия языка и мышления. Выступая в качестве строительного материала для лексического состава языка, суффиксы принимали участие в формировании как грамматических значений частей речи, так и семантических, категориальных значений отдельных лексем.

Таким образом, параллельно с развитием мысли у человека возникала потребность в способах ее системного выражения. В работах В. А. Богородицкого морфология русского языка рассматривалась в рамках психологии его носителей. Действительно, развитие морфологических средств возможно только под влиянием психологических факторов, обусловливающих закрепление за тем или иным сочетанием звуков речи определенного значения. В составе лексемы «каждая морфологическая часть представляет собой значение и ассоциированный с нею звуковой комплекс»[1].

По словам В. А. Богородицкого, «большая частота употребления формальных элементов слова – окончаний и суффиксов – и была причиною того, что они, имея в массе случаев известный звук или комплекс звуков впереди себя, стали ассоциироваться между собою по сходству»[2]. Тот факт, что суффиксы и флексии используются чаще, чем корневые морфемы, способствовал лучшей их формализации и закреплению в сознании носителей языка, позволяя создавать слова с уже заложенными в них компонентами лексического значения.

Сопоставляя существующие в древнерусском языке обозначения «внутренних покоев» дома, В. В. Колесов делает вывод об иерархическом статусе некоторых помещений, который заложен в морфемной структуре обозначающих их существительных. «Кроме заимствованного из греческого слова *келья* известны такие его замены: *хлѣвина*, *храмина* <…>. Суффикс славянских слов (*-ина* – суффикс единичности и указания на относительную неважность) подтверждает, что подобные “хлевина” или “храмина” не были основными помещениями в доме»[3] (курсив автора. – *О. Г.*).

Таким образом, «с помощью суффикса, – пишет В. В. Колесов, – каждый раз как бы извлекается исходное значение общего для всех слов корня или уточняется одно из многих, очень конкретное его значение: *домец* значит одно, а *домовище* – уже

[1] Богородицкий В. А. *Очерки по языковедению и русскому языку*. Казань: типо-литография Имперского Казанского университета, 1910, с. 275.

[2] Богородицкий В. А. *Очерки по языковедению и русскому языку*. Казань: типо-литография Имперского Казанского университета, 1910, с. 296.

[3] Колесов В. В. *Мир человека в слове Древней Руси*. Ленинград: Издательство ЛГУ, 1986, с. 203.

другое. Суффикс тут будто лакмусовая бумажка в химических опытах, с его помощью возможное значение корня как бы проявляет себя и становится ясным для всех фактом языка»[1] (курсив автора. – *О. Г.*).

Наделение аффиксов смыслом, который изменял грамматическое или семантическое значение производных с их помощью лексем, способствовало тому, что такого рода морфемы могли выделяться, оттягивая на себя силу звучания других морфологических частей и оказывая воздействие на изменение акцентуации слов в целом. Неслучайно за время употребления лексем, включающих однотипные словообразующие и формообразующие некорневые морфемы, в сознании носителей языка закрепилось их соответствие определенным акцентным парадигмам.

Таким образом, сложившееся в языке соотношение морфем со способами выражения грамматических и семантических значений было обусловлено комплексом факторов, определяющих логику выстраивания акцентных парадигм, и правилами, которыми руководствовались носители языка при акцентуации. Разные суффиксы по-разному встраивались в систему, однако тенденции, которые проявлялись при их использовании, свидетельствуют о наличии определенных принципов, которыми руководствовались носители языка.

Отглагольное или адъективное происхождение, наличие в корнях беглых гласных или сочетания согласных способствовали тому, что существительные с суффиксами в основе приобретали ударность всех флексий. Заимствованные в более позднее время существительные, наоборот, сохраняли накорневое ударение во всех падежных формах, что существенно облегчало их восприятие носителями языка в речи.

Выводы

Ударный слог в составе лексемы служит для привлечения внимания к ее лексическому или грамматическому значению, столь важным для распознавания речи. На разных уровнях организации языка на первый план выходят единицы, отвечающие за реализацию соответствующих этому уровню значений: на лексическом уровне – это морфемные составляющие (префиксальные, корневые, суффиксальные), обусловливающие семантику слова; на уровне синтаксиса – флексии, которые отвечают за выражение пространственно-временного взаимодействия соотносящихся с лексемами объектов действительности.

Именно ударение (словесное и логическое) дает возможность настроить слушающего на восприятие того, что в данный момент представляется наиболее существенным. Если логическое ударение помогает носителю языка ориентироваться в предложении, выделяя одно из слов в качестве его смыслового центра, то на уровне лексем словесное ударение маркирует морфему, принципиально важную для понимания значения слова.

В данной статье мы рассмотрели существительные, которые включают в свой состав однотипные морфемные образования. Их однотипность и повторяемость в мор-

[1] Колесов В. В. *Мир человека в слове Древней Руси*. Ленинград: Издательство ЛГУ, 1986, с. 195.

фологической структуре частей речи свидетельствует о том, что они имели статус суффиксов, несмотря на то что современные кодифицированные издания могут рассматривать их как часть корня. К сожалению, проблема выделения и оформления морфемного статуса тех суффиксов, которые сложились в древнерусском языке или были заимствованы вместе с лексемами, но в дальнейшем использовались при словообразовании, по-прежнему остается нерешенной в силу того, что иноязычные суффиксы из-за их недостаточной распространенности часто приписываются к корневой морфеме при заимствовании слова.

В ходе исследования было выявлено, что присутствие суффиксов в составе существительных оказывало значительное влияние на акцентуацию. Трансформация ударения в производном существительном не была случайной или технически заданной, она соотносилась с тем, какая морфема в составе лексемы должна была обращать на себя внимание слушающего, облегчая восприятие слова в целом.

Список литературы / References

Богородицкий В. А. *Очерки по языковедению и русскому языку*. Казань: типо-литография Имперского Казанского университета, 1910. 456 с.

Bogoroditsky V. A. *Essays on linguistics and the Russian language*. Kazan: tipo-litografiia Imperskogo Kazanskogo universiteta, 1910. 456 p. (In Russ.)

Варбот Ж. Ж. *Древнерусское именное словообразование*. Москва: Наука, 1969. 232 с. EDN: PXXUNP

Varbot Zh. Zh. *Old Russian nominal word formation*. Moscow: Nauka, 1969. 232 p. (In Russ.) EDN: PXXUNP

Зализняк А. А. *Древнерусское ударение: общие сведения и словарь*. Москва: Языки славянской культуры, 2014. 728 с. EDN: RBBTNX

Zalizniak A. A. *Old Russian accent: General information and vocabulary*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2014. 728 p. (In Russ.) EDN: RBBTNX

Зализняк А. А. *Труды по акцентологии*: в 2 т., т. I. Москва: Языки славянских культур, 2010. 848 с.

Zalizniak A. A. *Works on accentology*: In 2 vol., vol. I. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2010. 848 p. (In Russ.)

Колесов В. В. *Мир человека в слове Древней Руси*. Ленинград: Издательство ЛГУ, 1986. 312 с.

Kolesov V. V. *The world of man in the word of Ancient Russia*. Leningrad: Izdatel'stvo LGU, 1986. 312 p. (In Russ.)

Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. *Труд И. И. Срезневского*: в 3 т., т. 1: А–К. Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, 1893. 1420 стб.

Materials for the dictionary of the Old Russian language based on written monuments. *The work of I. I. Sreznevsky*: In 3 vol., vol. 1: A–K. St Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi akademii nauk, 1893. 1420 stb. (In Russ.)

Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. *Трудъ И. И. Срезневскаго*: в 3 т., т. 2: Л–П. Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, 1902. 1802 стб.

Materials for the dictionary of the Old Russian language based on written monuments. *The work of I. I. Sreznevsky*: In 3 vol., vol. 2: L–P. St Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi akademii nauk, 1902. 1802 stb. (In Russ.)

Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. *Трудъ И. И. Срезневскаго*: в 3 т., т. 3: Р–ѡ. Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, 1903. 1684 стб.

Materials for the dictionary of the Old Russian language based on written monuments. *The work of I. I. Sreznevsky*: In 3 vol., vol. 3: R–Ya. St Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi akademii nauk, 1903. 1684 stb. (In Russ.)

Николаев Г. А. Способы древнерусского именного словообразования. *Ученые Записки Казанского университета. Гуманитарные науки*, 2009, т. 151, кн. 6, с. 115–121. EDN: KYWGST

Nikolaev G. A. Methods of Old Russian nominal word formation. *Proceedings of Kazan University. Humanities*, 2009, vol. 151, book 6, pp. 115–121. (In Russ.) EDN: KYWGST

Преображенский А. Г. *Этимологический словарь русского языка*. Москва: Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1910, т. 1. 716 с.

Preobrazhenskii A. G. *Etymological dictionary of the Russian language*. Moscow: Tipografiia G. Lissnera i D. Sovko, 1910, vol. 1. 716 p. (In Russ.)

Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.): в 10 т., т. III, главный редактор – Р. И. Аванесов. Москва: Русский язык, 1990. 511 с.

Dictionary of the Old Russian language (XI – XIV): In 10 vol., vol. III, Chief editor: R. I. Avanesov. Moscow: Russkii iazyk, 1990. 511 p. (In Russ.)

Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*: в 4 т., т. 1. Москва: АСТРЕЛЬ-АСТ, 2004. 588 с.

Fasmer M. *Etymological dictionary of the Russian language*: In 4 vol., vol. 1. Moscow: ASTREL'-AST, 2004. 588 p. (In Russ.)

Черных П. Я. *Историческая грамматика русского языка*. Москва: Учпедгиз, 1952. 312 с.

Chernykh P. Ia. *Historical grammar of the Russian language*. Moscow: Uchpedgiz, 1952. 312 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Ольга Игоревна Глазунова – кандидат филологических наук, доцент, https://orcid.org/0000-0001-9835-586X, o.i.glazunova@mail.ru, Санкт-Петербургский государственный университет (д. 7–9, Университетская наб., 199034 Санкт-Петербург, Россия); **Olga I. Glazunova** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, https://orcid.org/0000-0001-9835-

586X, o.i.glazunova@mail.ru, St Petersburg State University (7–9, nab. Universitetskaya, 199034 St Petersburg, Russia).

Статья поступила в редакцию 19.09.2025; одобрена после рецензирования 06.04.2026; принята к публикации 26.05.2026.

The article was submitted 19.09.2025; Approved after reviewing 06.04.2026; Accepted for publication 26.05.2026.